

Изяслав Винтерман

Пчеловек

Изяслав Винтерман

Пчеловек

Москва
«Воймега»

2019

УДК 821.161.1-1 Винтерман
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
В50

И. Винтерман

В50 Пчеловек / Изяслав Винтерман. – М.: Воймега, 2019. – 68 с.

ISBN 978-5-6042671-5-8

ISBN 978-5-6042671-5-8

© И. Винтерман, текст; 2019
© «Воймега»; 2019

Хот-бог

* * *

И память — небо — не прыгнуть выше,
обрушишь небо — и был таков:
чернильной слякотью спелых вишен,
засохшей марлею облаков;
землёю влажною под ногами,
накрывшей грудь тартарары.
Она провалится вместе с нами,
завещая своё: гори!

Гори летучим прозрачным газом,
распространяйся, как свет вокруг;
коси пятнистым звериным глазом,
не видя радуги гибких дуг;
кати огня колесо по склону,
сжигая воды и облака
зрачком злопамятным, раскалённым
до полыхающего белка.

* * *

Все с мобильными — как на горячей линии,
откровения ждут мирового масштаба.
Прерываются сведенья песней козлиною
ожидания, срочной рекламой генштаба.

Верю! Верю в архиважнейшую инфу —
доверят её только голосу свыше,
трансляции чёткой... А смажешь картинку —
провалятся явки и... скрипача на крыше.

Он задышался от музыки в сердце и ночи,
душной и ядовитой, плывущей по кронам.
Его призывали боги из разных точек,
а он: «Служу, — говорит, — чистому разуму,
а не грязным законам!»

Штаб затыкается, слышишь «пи-пи» без пауз,
без расшифровки точное местное время —
так точно! — спускаешься с крыши, ползёшь
на брюхе в brewhouse.
Как этот город зовётся, эй, музыкант, это Бремен?!

* * *

И через бессонницу, как сквозь дыру,
и шахтой пожарного лифта –
чудовища... Кто здесь? – Кончайте игру,
берите своё и – валите.

На свет, проникающий из-под двери,
на голос за тонкой стеною.
Но твари всё лезут – упрямы, тверды.
Своё у них в мыслях, иное.

Мы не совпадаем и не совпадём,
не договоримся, о, жалость...
В любом измерении – крепость мой дом,
пускай ничего не осталось.

Пусть тело покинуто, рот – до ушей!
За мной свет спускается в штольню.
Лифт остановился... здесь нет этажей.
Мне больше не страшно, не больно.

Автобусная молитва в понедельник

Не дай доехать до того угла,
пусть все машины встанут из-за пробки.
Дай прикурить от вечного угля
в твоей груди. В автобусной коробке
мы спрятали, как мамин медальон...
От искры в сердце подожгли автобус,
пусть станут ближе те, кто отдалён...
Мы подождём, заканчивайте обыск.
...И будет город полыхать в дожде.
И не доедем снова до работы.
Молись на самолёты и ж/д,
на все углы... работы... боты... оты...

* * *

Новые люди верят и в электричество –
можно включать их и отключать,
добавить яркости и величества
тонкой особи, как её величать:
абстрактная рана, дыра в сознании?
Воспоминаний тонкая нить
создателя, коего мы создания...
Реальность, которую не изменить.

Теперь-то мы вспомним качели, нежные руки,
качающие колыбель.
Токов иголочки, дивные Господа трюки,
маму, поющую: «Спи, мой кузнечик» или «Ма-бель...»

И откуда берутся дети... Смешные рожицы,
будто списанные с забытых лиц
в старой книге... нечеловеческие... да умножатся...
глупые времена бумажных страниц.

Светятся буквы. Щекочат слова и строки.
Бог тут как тут – вечен и не раним.
Отключает, переключает... Справедливый, а не жестокий.
Другой бы не мог быть... не мог быть другим...

Вариации

1

Не огнём дышат красивые губы,
не войной дышат широкие плечи.
А за ними — идут на убыль
улыбки прощанья и красноречье.

От земли — тени встают косматы,
и... запах мяты, запах мяты...

А впереди — лабиринт переулков,
счастья музыка в оба уха —
гудит пространство, и время гулко —
не слышно звука.

Слова исчезли или стигматы,
но... запах мяты, запах мяты...

2

Огнём не дышат красивые губы,
войной не дышат широкие плечи.
Что не проходит, уходит глубже,
безумием лечит.

Любовь сама, без определения —
что она... взрыв?.. И живёшь поддатый.
Морю молишься на коленях:
«Назначь мне дату...» —

но без ответа. Пространство мёртво,
держит музыкой в оба уха.
А море громче. И в воду мордой
и кверху брюхом.

3

Красивые губы дышат огнём,
широкие плечи – войной.
И слёзы смешаем и залпом глотнём –
но радостью, а не виной.

Смешаем тела с чёрной самой землёй –
они остаются белы
во всех измерениях. Чувственный слой
внушаем. «Прошу, не боли...»

* * *

Перо макая в плоть и кровь на глубину историй,
я ниточку тяну веков: non-fiction и love story.
Не сочиняю, а смотрю, как что себя опишет.
Добавлю слово и сотру. Доверю речь Патрише,
отдам Лыставии с лугов, с манящей речки – Любе.
И только губка облаков мне смочит лоб и губы.
И на словах засохнет кровь и заживут их раны.
И если вытяну любовь – дай бог, не слишком рано.
А если смерть, не раньше чем (даст бог) любовь накроет.
На глубину запретных тем – где вечны все герои.

* * *

Ещё ты в браке и далёко
до чувств – теней углов и стен.
Сдуваешь непослушный локон
блуждающих в тебе измен.

«Безумие!» – как слово дико,
хотя с ума сойти пора.
Убей же страх и укради-ка
себе другую жизнь, сестра.

Естественна, но не по моде,
болезненна, как красота.
Спаси оставшиеся годы,
страдай на полную до ста.

Ещё научишься жить мудро,
прозрачным видеть даже дно.
Цветы, как бабочки, наутро
вспорхнут и вылетят в окно.

Младенцы на коленках острых
с визгливейшею нотой «фи» –
ещё далёки, как и постриг,
и все прозренья на крови.

* * *

Город — понятие растяжимое —

на горы, растёкшиеся в дрёме,
пустыню, лежащую на востоке
площадкой для нового аэродрома,
мечтой разбитой о новом Вудстоке;

на море, которое только и видно
в сквозную ветреную погоду.
Ветер щекочет его крабовидный,
песочком скребя огрубевшую воду;

на впадины с выжженными холмами,
храм — в зенице небесного ока;
восхода облачными хлебами
заволакивая отражения бога.

* * *

Я рассматривал город, что вкривь и вкось
строен, сквозь заливные стёкла.
Ничего святого — лишь кровь и кость... —
бледность прежнюю яркость стёрла.

Никакие замеры и взгляд с угла,
луч, обломанный красной крышей...
И на верность городу присягла
птичья стая с помойки крысьей.

От меня бежал город иль ко мне...
На губах, в глазах нёс воды стекольца.
И дрожал язык мелкой дрожью, не
продеваясь больше в слова и кольца.

Фантасмагория

Мэром — женщина. Лейтенант —
из отдела особо тяжких —
темнокожая. Город Нант
дал карт-бланш ей: в многоэтажках
уничтожить и спрос, и сбыт...
Жесть! Тридцатые по ней плачут...

И детектив пээмэсом сбит,
сбита, точнее. Рукою с клатчем
(в талию струночкою пальто
красное) — всех распечёт тут.
И догадается, кто есть кто,
по самому маленькому просчёту.

Ветер лохматит, ведя в тупик,
путая следы и поступки.
Всё на лице её (отступи!) —
глазки-молнии, стрелки-губки.
Тут появляется консультант —
гей — наконец-то!... Мужскою писькой
с мозгом (ура, гейюр!¹). Город Нант
может гордиться его пропиской.

Смерть на кону и сердец джихад —
и не шалом им или лехаим!²
Опасный народец... Под треск цикад
мы на развалинах отдыхаем

¹ Образовано от *гей* и *гиюр* (*ивр.* обращение в иудаизм).

² Будем здоровы (*ивр.*).

и вспоминаем минувшие дни,
будущие... В пять часов пополудни –
в новый мир – пусть цветут все огни! –
добро пожаловать!... О, как безлюдно...

* * *

То ветка дерева, то ветка разговора –
стучат в меня...

...То ветка сна, её ли выбрал ворон
или она –
и вместе с ним застыла,
качаться грустно ей,
и напирают с тыла –
то силы тёмные, то чуточку светлей.

И с фронта и анфас – венецианкой,
в стекло или насквозь –
зима изысканна. Зачем ей только санки? –
чтоб я их вёз!

...Не вырваться из воздуха чужого,
из льда в снегу, из тёмного нутра.
Лёд жгуч и ясен. Как после ожога,
свет ломится из каждого ребра.

* * *

Из глубин отчаянья — жизни чёрной,
снега глубокого, мёрзлой почвы,
став тугоплавкой и огнеупорной,
а изначально была непрочна, —

жизнь, другая, разрыв огромен.
Снег невесом, небо розовым флагом.
Сдержанное разрядится громом,
тайное обожжёт бумагу.

Что впереди ждёт нас, что за нами?
Тянутся руки вьюги-старухи.
Как дети, блестя озорными глазами,
забираемся к ней на руки.

* * *

Пусть не обманет вид
и не двоится мной —
выдумкою любви
скрытой или немой.

Город цветной поверх
серых аллей в аду.
Думаешь, лишь поверь,
станет всё лучше, ду-

маешь, всё его —
пояс из рек, поля,
плечи высоких гор
и облаков петля...

* * *

Кто скрижаль, кто плита...
Если мы не от бога,
страх мой – вечная мерзлота,
утрамбованная дорога.

Но от искры, от огонька –
мы такое можем.
Грязь вокруг – с моей ДНК
вместе с искрой божьей.

* * *

Свесив ноги в темноту из окна —
мы на город поглядим, поплюём
в темноту, что стоит высока,
глубока, мы в неё поплывём
аж до мельницы последней луны...
Столько лун, что и не скажешь сейчас:
может, две, а может, три, но у них
жизнь своя, при их луне и свечах.

* * *

Ты умер, и я не могу отомстить.
Я рад, но меня душит ярость.
Кто выдумал смерть, чтоб тебя отпустить,
как в благообразную старость.

Мне хватит на всех и любви и добра.
И страсти — и в сердце и в плоти.
До смертного так я задуман одра —
любить за других, а не против.

Ты кто, помешать ненавидеть — не смей!
В огне ли, в земле скрывшись тихо,
нашёл лёгкий способ? Подумаешь: смерть,
о нет, не надейся, — на выход!

* * *

Память теряет яркость.
Мало тебя кто помнит, как помню я.
Ты смотришь вниз — на деревья парка,
я смотрю вверх — на них же. Неба края
оплывают в сером, тусклом
свете последнего февраля.
Атомы сталкиваются в узком
месте. Смерть — не когда, а для...
И было утро, и был вечер, и утро-вечер
рассыпались на гипсовые куски
в свете, скользящем с неба теплом овечьим...
Переступая свет божий, стали близки.

* * *

Представь, что есть небесное меню,
какую смерть закажешь на обед,
на ранний ужин? Дай себе совет:
бери стандарт, не шефскую стряпню.
Ни соусов, ни перца... ешь салат,
вегетарианствуй средь волков
и можешь рыбку... Вижу, бестолков,
не понимаешь, вижу, ты расклад.

Ты мог бы утонуть в сырой земле
и задохнуться воздухом в воде.
Болезненную выбрать смерть себе
и лёгкую другому – по шкале
до десяти и по шкале до ста.
Пойми: что заказал, а что хотел.
Пожить?! У речки старенький отель,
обычный номер, есть ещё места...

* * *

Там, в январе, от чёрного пруда,
где животами мерились сугробы,
я начинаю двигаться туда,
где нас приветят, если не угробят,
по чёрной речке, каменной струе...
Уже живой, ещё не настоящий,
я начинаю в ледяной стране —
пройдя моря, поля её и чащи...

*

...Там, в январе, от чёрного пруда
я начинаю путь свой настоящий
в другую жизнь и время... (Что, куда?!)
Нет больше или меньше подходящей...
Я объясню потом, когда-нибудь...
Но в январе, где мерились сугробы,
на месяце каком кто, не забудь:
из сердца — в мир прийти, а не утробы.

* * *

Я застрял на северной границе,
не могу проснуться,
возбудиться деревом и птицей,
неба блюдцем.

Пью из блюда с голубой каёмкой
и терзаю небо.
Жизнь приляжет старой экономкой –
что ей не дал?..

Что-то нереальное, простое,
с чудесами?
Разве мы не попрощались, стоя
под часами...

Жжёт внутри, в глазах замёрзли буквы
в плёнке дымной.
Изо всех возможных жизней – будь ты
в самой длинной.

На дрожащей северной границе –
далеко до юга –
покрывая инеем страницы,
жжём друг друга.

* * *

О любви не знаешь — все знают мало.
Слишком мелко всё, слишком близко дно.
Всколыхнуть бы время — рябь как-то вяло
отражает (но и внутри темно —
ни кипения чувств, ни водоворота) —
тошноту кончины любви и дня
в темноте не страшной, иного рода,
оторвавшейся от родного дна.

* * *

Прикладывая к уху или к глазу:
идут или стоят — не смог понять.
Наверно, надо чем-то их пронять:
качнуть педаль, добавить газу...

Но нет, стоят — и корчат шесть и девять:
куда, зачем? — не против и не за.
Возможно, к ним колёсики приделать —
покатятся вперёд, а не назад.

Я б смог простить им дёрганье и стрелки,
светящиеся вместе, чаще врозь.
Пузырик мыльный — время! (Дождик мелкий
секунд, минут, без молний и без гроз.) —

взорвётся вдруг... Цветная рвань на ветке —
шикарное интимное бельё.
Ни фона глубины и ни подсветки,
второго плана смыто бытиё.

Есть только раздраженье пониманья:
идут-стоят, пульсируют на дне —
благодарю за время, за внимание,
за краски яркие наедине.

* * *

Я вижу мир прозрачным: колесо
вращается и подгоняет воду.
И звери гор, долин, полей, лесов —
стекаются к цементному заводу
и предъявляют счёт полубогам,
людишкам из большого профсоюза.
Я вижу, как прозрачны шум и гам
и требуют не веры, а эскюза;

как мир раним и хрупок, а не твёрд...
Железные к душе не дали яйца,
чтоб наплевать на всю шеренгу морд,
не чувствуя, как адской болью мается
зверьё, людье, ослепшие кроты.
И бог, сошедший в сонные долины
между мирами, — лишь перекаати-
любовь... Храни её, ещё путь длинный.

Пчеловек

* * *

В этом времени было и будет в другом?
В этом я читал тебе Рильке,
а в том —
я не люблю переводы. Жуком
с золотым подкрылком
взлечу.
Ты смотришь ввысь, слышишь: брысь...
Вот и ты — кошкою под ногами.
Бисквитной компанией Swiss
с блондинкой рекламы
я запущен в содружестве нежных тел
десяти рассерженных женщин.
Ни бисквитной компанией не долетел,
карамельной — увы... Пораженщина —
олимпийская сборная злых детей
под лучистым флагом,
сотканным из плакучих ветвей,
взмает вверх пружинистым шагом.

* * *

Ты проснулся рыбой...
Проснуться не можешь,
свыкнуться с чешуёй?
...И поплыл на остров,
назвался Мозес-
четвёртый, чужой.

Или первый свой?
Но косноязычием
мучаясь, языком.
...Рыбой, но с небольшим отличием —
хватит воздуха
между вдохом и выдохом.

Смешан воздух неправильно
с болью и смыслом,
смешан в пропорциях,
гасящих теплоту.
Рыбой летучей с губой отвислой,
капли хватающей на лету.

...На крючок луча
наживляя вату
(в клочья порваны облака) —
словит тень тебя,
наплывая зеленоватым
морем, запахом балыка...

* * *

Ты внутри меня,
как внутри коня,
как внутри кота и бурундука, —
значит, вместе мы раздуваем ноздри
и глядим вокруг
на траву и луг.
И природа вся, как твоя, — дика,
и бросает в нас кто-то с неба звёзды.

И подумаешь: может быть, это бог...
Но и смертный тоже такое мог:
и создать,
и сам оценить: «Прекрасно!»
То есть полюбить, как отец и мать,
то есть всё принять с головы до ног:
первый слой — Рублёв,
а второй — Пикассо.

А снаружи свет, и трава, и снег.
Я дышу, люблю и вдыхаю счастье.
Но копытом бьёт, убыстряя бег,
раздувая ноздри, не человек,
бог весть кто — но он ко всему причастен.

* * *

Я бы отрастил не живот, а жабры
(надо меньше пить, надо меньше есть).
Я бы спал на дне. Ноябрь-декабри
проплывут, как тень, сколько их, не счесть.
Стал бы я далёк там, на дне и глубже.
(И не надо есть, и не надо пить,
трепыхаться зря...) Рыбка, приголубь же,
ну, прости-прости, глупо торопить.
Я и здесь чужой, я глотаю пену.
То один такой, то уже не счесть...
Тени кораблей приплывут на смену,
я взойду на борт, принимая честь.

* * *

Я и не думал о других
и не жалел себя сам
на глубине корней нагих
и слов, гудящих басом.
Не слушал: почему же я,
за что и даже — кто я,
все ниточки во сне жуя
на глубине покоя.
Я адаптировался здесь,
в кромешной тьме и пыли, —
к земле в корнях. Корявый лес
сожгли, а не срубили;
к блестящим нитям Ариадн,
прожилкам в мёрзлой ткани...
Я слышал дождь под смех дриад,
как всхлипы заиканий.
Не видел снег, летящий над,
как будто в нём моторчик.
И вот он повернул назад —
на сто свечей и тортик...
Я спал на большей глубине,
чем вы меня зарыли.
И шелест в небе — неба нет —
не слышал многокрылый.

* * *

Кто на солнечной батарее, а я на лунной.
Кто слезами жив, кто жемчужным смехом.
И смешная жизнь кажется юной
приезжей за счастьем и за успехом.

И не надо голову красить пеплом.
Сжечь один раз — как переписать в десятый
повесть лет временных верлибром нелепым
или в рифму, скованную досадой.

Ну почему привлекает драма,
почему так малому опыт учит...
Вслед за героем, как мы упрямым,
готовы хоть в петлю... ах, бедный поручик.

Не того хотел, не о том мечтали...
Шли смеяться и раскрывали книжку
на любой странице, но не читали —
уносились и так за мечтой вприпрыжку;

просыпался в ней... под ольхой и вишней,
щекотал соломинкой нежно ухо.
Раскрывалась женщина, и Всевышний
прорастал любовью и стлался пухом

на каком-нибудь тридесятном поле:
то распаханном жирном, а то ледовом.
Нам войну бы любую выиграть, что ли,
чтоб стравить сиротам её и вдовам.

...Все знакомые лица, стою на тёмной
стороне луны, сквозь медовый волос
вечно юной жизни – с 3D-объёмной
смертью биться, вижу, есть доброволец.

* * *

Холодом веет, но сердце ещё горит –
чёрные точки плавают в небе глаз.
Точка вверху – младшей внизу говорит:
синее море люблю, ветра джаз;

марлю на чуть заросшем пылью стекле,
ворсом лучей, колышущим пчёл и ос;
всех заблудившихся. Лес за твои сто лет
стал ещё гуще, дремучей – до неба взрос.

...Вспомнить бы солнце на веках, и снег в огне,
и на ресницах – солёный, в разводах, свет...
Море по капле из глаз, и не знаешь, где
встретишь, – есть только сухое время, а моря нет.

* * *

Истинный труп его где-то в пустыне,
его ещё нужно о многом спросить.
Ответит ли... Светлые волосы-иней –
к лицу ему, жаль, не успел отрастить

до острых коленей, чтоб ветер едкий
ими играл в такт порывам, в такт
молчания. Чтоб и потомки и предки
молчанье услышали – мать их так!

...А здесь его призрак, второе тело –
его невозможно уже попросить.
Он здесь сам не свой, и душа отлетела,
но обещала вернуться, простить...

Поэтому тянет обратно, в пустыню, –
соединиться с иным не-собой
рассказами об охоте утиной,
песней про шар, голый и голубой;

и в небо смотреть взглядом: внутрь-наружу –
страшным, чтоб сдохли, кто прибыл взглянуть
и встретиться взглядом, – не надо! И ружей –
не надо! Он не опасен – он выбрал свой путь.

* * *

Я проснулся в провинции, где
моря нет, редкий лес на плато.
Рядом стынут красавицы две —
потому что один ты никто.

Потому что на вкус и на цвет...
Мы не станем мешать никому.
И ласкает пушок, бахрому
вдоль лопаток — то ветер, то свет,

превращая в корабль постель...
Не добраться с югов на юга.
Кожа жаркая сброшена с тел,
а душа и подавно нага.

И мешает рассвет и закат,
солнце с ветром — нагая душа.
Свет из праха возник, как затакт,
темень — грифелем карандаша;

и мешает лучи со стеклом,
редкий лес на плато... Моря нет...
Отражается время углом,
ветер дует в глаза — зюйд-зюйд-свет.

* * *

Нет цены желанию. Пожелай –
сам себе, дай волю своим проказам.
...Под марлёвкой голая грудь, July...
И зима не душит прозрачным газом.

...Все слова играют, и ты играй...
«Снега голуби...» – голуби же не птицы.
Под окном выстраивают свой рай,
как у ясель нравится им толпиться,

ворковать о суетном, по ночам,
будто воры, ощупывая весь город –
пусто... Луны садятся в чан
со смолой... нет даже чёрствых корок.

Солнце не взойдёт, никакой луной
не насытишься, её светом бледным
теплоты сомнительной... Но в иной
жизни – может быть – утром летним

нас хозяйка вдруг позовёт на чай...
Ты желал хозяйку, она не против.
...И зима ползла, как с горы лишай...
А сейчас July, скоро время родов.

* * *

Пташкой на юг. Гудбай, многоэтажка:
выдумки, сплетни, гадкие штучки;
партнёры, партнёрши в одной упряжке –
в разные стороны – вредные тучки.

Грянет гром, и – никому поблажки.
Молнии колют землю и воду.
Боги зарытые, света бы им и ласки.
...Смытые лица прежнюю яркость наводят.

* * *

Она —
с плаката «о вкусной, здоровой пище»,
рекламы чая и манной каши.

Я —
буду кушать за тысячу мам и пап тыщи.
Как пионер, готовый за дело наше

всех уложить в штабеля — униформу к форме —
строчек, фигурок... речи... Фигурок наставил
глиняных и фарфоровых, готовых к откорму

и к бою — хрупкой природы божественной...

Она:

«Кушай, Павлик... Павел...»

* * *

Сливаешься с инструментом:
бубном, скрипкой, литаврой.
Слывёшь дездемоном, маврой
и — ждёшь момента

каждые пять минут,
непрерывно? Времени в сутках —
в сотни раз больше — шутка!
Меня нелегко обмануть,

обсчитать. Механизм прозрачен:
цепляются за (словечки) —
хвостиками — овечки —
за жоака — назначен

им овцебык... Туманна
душа, всё ей — не здесь, не так.
С любой суетой контакт —
резкий, как звук тимпана.

* * *

Тяну этот город, тяну по бледной реке
за нити огней, провисшие провода.
Последний бурлак на затопленном материке,
упившийся сном. Над ним вода не вода —
преломляется — в небе собака, рыба, медведь
завитком нереальности, резвая чудо-пыль.
И сыплется замороженный прелесть-свет,
в кристаллах он сохраняет свой прежний пыл.
И станет, если несладко, сахаром в чай.
А если ещё горше — магией в порошке.
И город, что жмётся ко всем берегам, не тяни — качай,
иначе он рвётся, не тянется по реке.

* * *

Я давно здесь и знаю не только игру,
но и всех игроков поимённо
подноготную. Съешь фуагра, виагру
и на радостях дольку лимона.

Призывай своих демонов дальше от всех.
И в отчаянной каждой попытке —
жди печаль и успех... Ждёт печальный успех...
Ты закусывай лучше напитки.

От бессмертия лечат друзья и враги.
От веселья — все постные рожи.
Я давно здесь, я знаю, почём пироги
и откуда начинка и дрожжи.

Стой и пей и молчи, не вдаваясь в слова.
Обещаю, что выйдешь отсюда —
лучшим, чем ты вошёл... Кругом пусть голова —
всё прекрасней напитки и блюда.

* * *

Эту муку ночную одни называют сном,
но они неправы. Шум за окном –
непрерывен, они и не знают правил,
и не соблюдают... Кровавил
ветер губы осколками неба.
Одни называют утро – о, как нелепо.
...Можно звать как угодно: бессонницей, верой.
Терпение, други, оно ещё пахнет серой.

Земельные хроники

1

Заживи эти дыры сознания, натяни полотно.
Прерывается дождь — солнцем, света рекламой.
Там, за городом, лесом, за небом, — не холодно.
И за богом, за сыном, за папой и мамой —
дни, текущие мёдом, полынь с молоком...
Очень странная смесь. Мне не вкусно: ни горько ни сладко.
Затяни эти дыры, закрой грудью-облаком
и показывай фильм в неба сумрачных складках:
то прибытие поезда, то своих инопланетян...
Мы не ждём или ждём? — то неистово ждём, то спокойно.
Это мы, но другие, которые жили не там,
не тогда... но, надеюсь, достойно, достойно!..

2

Пофлиртовали, пококетничали, покомлексовали.
Пожонглировали темами: еврейской,
национал-большевистской.
Нашли что-то общее... встретились на сеновале
с пессимисткой, но активисткой
всех движений... Попеняли гей-параду и победы параду...
Быстро оделись, не поняли, что это было...
Я думал — любовь, а не новые строчки... Ты рада?
Ты думала — секс, не хватает ещё, чтоб любила.
А вотсап, инстаграм?.. Где-то в облаке, в сером —
ты другая совсем, я совсем не такой. Кто там богом?

* * *

В отблесках пламени кажется –
ты киваешь ему, говоришь, будто с нами,
говоришь ему – да! Да свяжется
время с нашими временами!

И встаёшь, как огнём умытый,
без следов борьбы еженочной.
Живой. Хотя, знаю, дважды убитый,
потому что один раз и мною – точно!

И уже молчишь, экономя силы.
Точнее, без лишних слов, зная дело.
Неся огонь, чтобы мы не остыли, –
в каждом из нас – за наши пределы.

И хочется света хрусталь потрогать,
любви огонь, как живое пламя.
А ты киваешь, и неба дёготь
разгорается над полями.

* * *

Здесь теням ходить запрещено.

В небе звёзд оптический обман.
Скомкалась листва от перегрева.
Балеринок призрачных батман
повторяют гибкие деревья.

Как бы овладеть мне темнотой,
разобраться с теньями напротив.
Или мы ошиблись стороной,
но привыкли и уже не против.

...Стрелочками ножки разведут.
Сколько там натикало... пора бы
разойтись по рощам, где их ждут,
боковым аллеям — для парада.

Музыкою громкою — луна.
Отмечает ночь свои двенадцать:
бьёт, звонит, но гуще пелена,
и местами нам не поменяться.

* * *

Косточку абрикоса
день целовать во рту.
Сам абрикос – был осам
лампочкой на ветру;
мыть языком до блеска,
мимо зубов гоня...
Горечь внутри телесна –
всё, как и у меня.

Косточку абрикоса
прятать всю ночь во рту,
гладить по рыжим косам...
вечный огонь... Как ртуть
(в градуснике под сорок),
выпрыгнет – свет туши! –
хватит ли ей простора
после твоей души.

* * *

Ты доверяешь слишком
ходу времени, стрелке,
повороту руля.
Смотришь на цифр движение,
букв вращение —
слушай только себя!
Небо — по курсу —
воздух текущий
или густая земля?
Что там написано?
К чёрту несоответствие.
Радуюсь и скорбя,
слово не так вращается.
Цифра — почти энзим.
Жизнь — всё полнее,
полнее в лёгких,
воздух уносит ввысь.
Видишь: Элли внизу,
башню-иглу
прививкой от лет и зим.
Пыль серебряная и золотая —
смотри и — дивись!

* * *

Не раздвигая ног твоих, любить.
А ты взовьёшься уткой
чувствительной. Тебя словить
на слове или промежутке
между словами.
Выдох-вдох как свет-просвет
между тенями,
куда теням и входа нет.
Нет входа! Так и между нами –
нет. В небе облак хвост –
осколками – тысячеглазый –
поранит небо. Слишком остр –
дождь, кажущийся фразой, фазой
конца. Крути веретено,
и между ног или коленей –
немного ветрено, и ног
движенье здесь, на дне вселенной,
не ускользает от меня,
не исчезает без ответа...
И бьётся, бьётся дотемна
со светом свет, и нет просвета.

* * *

Птичкой на юг: «Все за мною, пташки!»
Вечно в погоне за чем-то тучки.
Гром грянет и – никому поблажки,
бог обожает такие штучки.

Пусть и закончится всё плачевно,
в песню вплетут, не заметив даже.
Птичкой на юг – во главе ковчега.
Суша спасёт впереди – не вода же...

* * *

Надёжнее Крыма прохладный Париж.
Все сто англичан на учёте.
Никто не плывёт по реке между крыш,
не падает с крыши, в полёте
крича: «Подымайтесь, день славы настал,
к оружию, братья-славяне!..»
Но я из России, я дико устал,
я дик по природе — не встанем!
Я жив-полумёртв, то есть полулежу,
пою про Анжу и Филиппа.
Понятно всё-всё про меня и ежу,
но всё это чистая липа:
я тайный агент, я продался врагам
за домик в Крыму и в Коломне,
за рыжий закат над Парижем, за грамм... —
но совести чистой — вколол мне...
Я имя огласке его не предаю,
я больше не в пятой колонне.

Скажу: ненавижу здесь всё! Нет, не то...
Конечно, я всё ненавижу.
Пишу в стол, в столе — кверху лапками, кто
понять мог, как жить и как выжить...
Как выжать по капле лимон и чеснок
и спиртом разбавить на совесть.
Пишу в унитаз, чтобы смыть — и не смог
никто прочитать мою повесть:
как я ненавижу то Крым, то Париж,
дней пену цветную и кружев.

А тело откажет – душой воспаришь,
откажет душа – будет хуже;
как злачные я обживаю места
вглубь степи и тьмутаракани,
вдоль рек, в них плюют с баржи или с моста,
но молча и без нареканий.
Я всё это помню, но память пуста,
и носится дух, неприкаян.

* * *

Тройной перегонки и перспективы –
жизнь. И плотный, нельзя дышать –
воздух – сиплый или ретивый, –
позволь ему, Господи, одичать
в полях, в степях, на сгоревшей почве,
где ковыли или трын-трава;
наполниться жаром, в вишнёвой бочке –
запахом крепким – с плеч голова;
или позволь мне зажечь холодной,
морозной искрой от всех камней –
кремнистый путь – полосую взлётной
для птицы-тройки гнедых коней...

* * *

Губы ещё не забыли тот самый вкус.
Верят глаза, погружаясь в базар лесной –
хвойная лень – наиважнейшее из искусств;
шершни, обжившие дерево павшее, зной.
На глубине прошлой памяти душ и глаз –
живы в одном из длящихся вечно дней,
что сохраняют частицы забытых нас,
переплавляя в каких-то других людей
с мухами-цокотухами и гнездом
шершней, гудящих, как говорящий куст,
свежей клубникой, пахнущей на весь дом,
передавая по кругу тот самый вкус.

* * *

Лицо его — звери, птицы, деревья.
Кроме лица, неважно, что в нём.
Ночью посмотрит в лунное зеркало древним,
в речку посмотрит юношей днём.
Лес отбежит, река поменяет русло.
Будут, сливаясь, нащёптывать ручейки:
«Мы видели, видели...» — но почему так грустно...
«Мы слышали, слышали...» — глупые ученики...
Капают первые капли, птицы и звери
радуются, стряхивая накидку брызг.
Мир очищается нехотя и не веря.
Веру его кто-то подъял, обгрыз.

* * *

Мы взяли за яйца,
отметив, где яйца быка,
на схеме: бык в разрезе.
Он даже не ойкнул. Зайца
когда изучали, заяц дрожал
в ритме кровельного железа
при слабом ветре восточном.
Лица в бронзовом гриме.
Грим в соответствии точном
с модой в Египте и в Риме...
Но — к быку! — символу силы и стада
животного мира, не только.
Мы парами вышли из сада,
не зная, как долго, как сильно и сколько
читать Стимулу нам и Рецину
в пространстве, где пчёлы засушены ядом.
Ни первотолчка не запомнив, ни первопричину.
Два мира помазаны миррой,
два мира — невидимым стадом.

* * *

Они ходят по одному и группкой,
требуя именем братств и лиг —
соблюдения. А я, с виду хрупкий,
так облажался на целый миг.
Их баланс, их такая сытость —
мерзки и... тошнотворна мгла.
И, конечно, мне не простится,
коль до указанного числа...

Да, и ещё, что им было важно:
то ли сжечь, то ли подписать —
должен, плюнув на лист бумажный,
недоказуемое плюс печать.
Я шлю их (сон ли) как можно дальше.
Грубо ли, нежно, зависит от дня.
Одно дело — лести фунт, литр фальши,
другое — себе изменять, это без меня...

* * *

Никому не завидуя и не беря в расчёт,
я пишу как хочу, я иду не куда иду –
потому что и нет никого, ты – и бог и чёрт,
потому что и нет ничего, чтоб иметь в виду.

Вот и стал шагреновой кожей дрожащий свет.
И тюльпанно-вишнёвой стала под утро тьма.
До сих пор с Челубеем бьётся во мне Пересвет,
до сих пор змей убитый жив с головами тремя.

Я ведь сам по себе. За мной последний рубеж...
Сквозь меня (не сам по себе) последняя ось.
И вращается время со мною, а после без...
Без меня и со мною, вместе со мной и врозь...

Содержание

Хот-бог

«И память — небо — не прыгнуть выше...»	5
«Все с мобильными — как на горячей линии...»	6
«И через бессонницу, как сквозь дыру...»	7
Автобусная молитва в понедельник	8
«Новые люди верят и в электричество...»	9
Вариации	10
«Перо макая в плоть и в кровь...»	12
«Ещё ты в браке и далёко...»	13
«Город — понятие растяжимое...»	14
«Я рассматривал город, что вкривь и вкось...»	15
Фантазмагория	16
«То ветка дерева, то ветка разговора...»	18
«Из глубин отчаянья — жизни чёрной...»	19
«Пусть не обманет вид...»	20
«Кто скрижаль, кто плита...»	21
«Свесив ноги в темноту из окна...»	22
«Ты умер, и я не могу отомстить...»	23
«Память теряет яркость...»	24
«Представь, что есть небесное меню...»	25
«Там, в январе, от чёрного пруда...»	26
«Я застрял на северной границе...»	27
«О любви не знаешь — все знают мало...»	28
«Прикладывая к уху или к глазу...»	29
«Я вижу мир прозрачным: колесо...»	30

Пчеловек

«В этом времени было и будет в другом?..»	33
«Ты проснулся рыбой...»	34
«Ты внутри меня...»	35
«Я бы отрастил не живот, а жабры...»	36

«Я и не думал о других...»	37
«Кто на солнечной батарееке, а я на лунной...»	38
«Холодом веет, но сердце ещё горит...»	40
«Истинный труп его где-то в пустыне...»	41
«Я проснулся в провинции, где...»	42
«Нет цены желанию. Пожелай...»	43
«Пташкой на юг. Гудбай, многоэтажка...»	44
«Она — с плаката...»	45
«Сливаешься с инструментом...»	46
«Тяну этот город, тяну по бледной реке...»	47
«Я давно здесь и знаю не только игру...»	48
«Эту муку ночную одни называют сном...»	49
Земельные хроники	50
«В отблесках пламени кажется...»	52
«В небе звёзд оптический обман...»	53
«Косточку абрикоса...»	54
«Ты доверяешь слишком...»	55
«Не раздвигая ног твоих, любить...»	56
«Птичкой на юг...»	57
«Надёжнее Крыма прохладный Париж...»	58
«Тройной перегонки и перспективы...»	60
«Губы ещё не забыли тот самый вкус...»	61
«Лицо его — звери, птицы, деревья...»	62
«Мы взяли за яйца...»	63
«Они ходят по одному и группкой...»	64
«Никому не завидуя и не беря в расчёт...»	65

Изяслав Винтерман. Пчеловек

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 20.08.2019
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 4,25.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6042671-5-8

9 785604 267158

Изяслав Винтерман родился в 1961 году в Киеве. Первая книга «По дороге со всеми» вышла в 1989 году, затем последовали изданные на Украине, в России и Израиле книги «Отчасти» (1990), «Приступ ночи» (1996), «Winter man» (2008), «Точка с божьей коровки» (2014), «Лжевремя» (2016), «Галлюциналиум» (2017), «Страсть страстей» (2018). Лауреат премии Союза писателей Украины (1989), премии имени Ури-Цви Гринберга (Израиль) за лучшее поэтическое произведение на русском языке (2004, 2005). С 1992 года живёт в Иерусалиме.

ISBN 978-5-6042671-5-8

9 785604 267158